

лучше, чѣмъ былъ у себя въ семьѣ и чѣмъ, вѣроятно, будетъ по окончаніи военной службы. Новобранецъ не имѣетъ также основанія считать эту среду развратной. Онъ встрѣчаетъ въ казармѣ своихъ сверстниковъ; они не лучше тѣхъ, съ которыми онъ росъ въ деревнѣ или городѣ, но и не хуже. Конечно, избытокъ свободнаго времени въ казармѣ ведетъ къ тому, что остается много досуга для ненужныхъ, пустыхъ и непристойныхъ разговоровъ; но молодой человѣкъ, поступающій въ солдаты, не имѣетъ такихъ прочныхъ началъ нравственности, чтобы было основаніе предпочесть тюрьму или ссылку нахожденію въ средѣ, которую Толстой считаетъ развратною.

Такъ поставлено большинство отбывающихъ воинскую повинность. Члены же состоятельныхъ классовъ терпятъ еще меньше невыгодъ отъ пребыванія въ этой средѣ: начальство относится къ этимъ людямъ очень снисходительно, позволяетъ проводить имъ внѣ казармы довольно много времени, а потому для нихъ казарменная среда какъ бы не существуетъ.

Толстой допускаетъ, что тотъ, кто уклоняется отъ военной службы, можетъ разсчитывать не быть наказаннымъ; онъ можетъ надѣяться, что, одновременно съ нимъ, множество людей также отвѣтятъ отказомъ, и что правительство не найдетъ охотниковъ примѣнить наказаніе, которому подлежатъ ослушники. Это предположеніе было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, если бы одинъ отказъ заражалъ очень многихъ, если бы примѣру одного вскорѣ слѣдовали, по крайней мѣрѣ, сотни. Однако, случаи этого рода являются рѣдкимъ исключеніемъ. Толстой сообщаетъ о двухъ уроженцахъ южной Россіи: взятые на службу, они не хотѣли участвовать въ ученіи солдатъ. Мы узнаемъ изъ довольно подробнаго сообщенія Толстого, что начальство было сурово къ этимъ новобранцамъ; но среди сослуживцевъ-солдатъ нѣкоторые относились къ нимъ сочувственно, хвалили за стойкость, утѣшали. Однако, за 8 мѣсяцевъ пребыванія этихъ новобранцевъ въ рядахъ войска у нихъ не оказалось ни одного послѣдователя. Ихъ мужество было достаточно для того, чтобы нѣкоторые товарищи одобряли ихъ, даже удивлялись имъ, но оно не соблазнило никого уклоняться отъ обязанностей службы. Есть и другое, гораздо болѣе вѣское доказательство, что предположеніе Толстого не имѣетъ прочнаго основанія. Нѣкоторые сектанты—духоборы, меннониты—отказываются отъ военной службы. Въ складѣ ихъ жизни, и помимо этой особенности, есть привлекательныя черты.